

СПИСОК ГЛАВНЫХ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

СТРАНЫ ТРИЕДИНСТВА, В КОТОРЫХ
ДЕЙСТВУЕТ ОДНА РЕЛИГИЯ ТРЕХ БОГОВ:

ДАРТЕЛИЯ

(главная страна, находящаяся в центре.
Именно она была построена Первыми).

- ✠ Бардоульф Дартелийский — действующий король Дартелии,
- ✠ Алеистёр — советник короля.

Члены Совета Семи:

- ✠ лорд Валадиан ГриССкий,
- ✠ первосвященник Ават,
- ✠ лорд Моске,
- ✠ Этан — Словотворец короля Бардоульфа,
- ✠ Вэйланд — капитан личной охраны короля и учитель Бардоульфа.

Род Вальтерсонов

(единственный род, который из поколения
в поколение верно служит Его Величеству):

- ✠ лорд Джеральд — заместитель капитана личной охраны короля,
- ✠ лорд Мэйтланд — старший брат Джеральда и наследник рода,
- ✠ лорд Бернайс — отец Джеральда и Мэйтланда,
- ✠ Йори — личный мальчик короля,
- ✠ Симерион — староста поселения истиноверов.

ВЕЛЕРОС

(западная страна Триединства, отличающаяся военной мощью).

- ✠ Эмилий Велеросский — действующий король Велероса,
- ✠ леди Вивея Селеван — спутница короля Эмилия,
- ✠ Паулус — посол Велероса и доверенное лицо короля Эмилия.

ХЕЛЬГУР

(закрытая страна на востоке, называемая лесным царством).

- ✠ Лаони́л — представитель Хельгура,
- ✠ Эйнария — сестра Лаони́ла, обладающая даром.

ТАНМОР

(самопровозглашенная северная страна).

- ✠ Си́гурд — вождь в Танморе,
- ✠ Ре́рик Кья́рваль — посол,
- ✠ Аллан — правая рука вождя.

ПРОЛОГ

«В глубине веков на Небесах обитали три брата: боги Нэим, Сэим и Лэим. Старший — Лэим — был самым мудрым, и его взгляд простирался над западными равнинами. Средний — Сэим — обладал звериным чутьем, и его взгляд был обращен на восточные леса. Младший — Нэим — обладал необычным для богов качеством: любовью и состраданием к земным созданиям. Потому его взгляд всегда блуждал среди людей.

Он радовался их процветанию и огорчался угасанию. Он слышал все молитвы, но одна повторялась настойчивее остальных. То был мужчина, просивший у богов сил, чтобы защитить свой народ и семью от жестокой тирании. Обратил на него свой взор Нэим и увидел страдающую, но прекрасную и чистую душу. Но не мог он наделить божественной силой человека, ибо тот не выдержал бы ее мощи. И решил тогда Нэим помочь ему сам.

Не сказав братьям, Нэим позаимствовал у старшего его мудрость, а у младшего — звериную сущность, и спустился он ночью к человеку в образе самого прекрасного и опасного зверя — Звездного Волка, шерсть которого была соткана из звездных нитей, а глаза горели изумрудами.

Вместе они одолели врагов...»

---

*Утерянные сказания
Словотворцев*

«...Звездный Волк, утратив звериный облик, разделил свою жизнь с человеком и помог ему построить великую страну. Он даровал людям знания и магию слов, за что люди прозвали его Словотворцем.

После смерти Волка освободившаяся сила сошедшего на землю бога находила себе сосуды в избранных младенцах, из которых вырастали одаренные Небом Словотворцы. Они приходили на зов своих правителей и становились им советниками, друзьями, братьями. И равен, и верен был Словотворец королю до конца их дней.

Словотворец был связью между матерью-землей, небесными богами и правителем. Потому они возрождали пустые земли, дарили мир и процветание.

Те времена были светлыми и принесли много надежд. Но через сотню лет все изменилось. Короли ожесточились. Жадность, войны и разрушения поглотили их, и не слышали они голоса разума. Больше не существовало тех королей, которым стали бы служить потомки Нэима. Мир изменился.

Разгневанные правители повсюду искали посланников Небес, но находили в них только жалкие отголоски былой их силы.

Великие Словотворцы исчезли. Боги отвернулись от людей, а земля отвергла своих детей, порождая только болезни и голод.

Надежда ушла...»

---

*Фрагмент из «Легенды о Словотворцах»,
одобренный религией Трех Богов и занесенный
в официальные документы Триединства*

ЧАСТЬ 1

ПРАВО НА ЖИЗНЬ

ГЛАВА 1

= 402 год, эпоха Света =

отстраненно наблюдал за тем, как земля под моими ногами превращается в багровую грязь. Воздух переполнился тошнотворными запахами гнили и горячей плоти. Душераздирающие крики мешали связно думать. Но даже они не могли меня остановить.

— Прекрати! Их нужно сдержать! Для чего ты их выпустил?

Для чего? Глупцы! Я даровал им свободу. Вы, недостойные, держали моих братьев так долго взаперти, а я просто дал им волю. Мой взгляд скользнул по знакомому лицу. Оно же что-то раньше значило? Я усмехнулся про себя. Значило. Когда-то раньше многое для меня значило что-то. Когда-то давно я был глупым и наивным. Когда-то я был их надеждой и светом, а сейчас превращал все вокруг в Преисподнюю. Это из-за них я стал таким! Эта страна больше не должна существовать. Эти люди заслужили стореть заживо. Я разрушу все,

уничтожу всех. Больше никто не посмеет мной пользоваться. Впредь буду только Я — последний Словотворец, один из Трех Богов — надежда людей, обернувшаяся концом эпохи Света.

Рядом со мной кто-то упал, истошно вопя. В него вгрызались острые зубы, разрывая плоть на куски. Алые брызги, попавшие на мою руку, стекали каплями по пальцам. Это ощущение что-то всколыхнуло в памяти.

А ведь точно, все начиналось с крови на моих руках — кровью же и закончится.

== 401 год, эпоха Скорби ==

Кровь капала с моих рук. Она была теплой и ослепляюще яркой. Металлический запах обжигал ноздри, а горло сжималось. Шум голосов пробивался как будто издалека. Я со страхом оторвал взгляд от своих рук. Передо мной лежало незнакомое тело. Именно оно являлось причиной всепоглощающего страха, нахлынувшего на меня.

— Прости...

Я вскинул голову в поисках источника звука. Человек стоял достаточно близко, но я не мог рассмотреть его лица — оно было подернуто дымкой, мой взгляд не мог пробиться сквозь нее.

— Прости... не смогли...

В его голосе слышалось отчаяние. Меня захлестнули противоречивые чувства — я ненавидел этого незнакомца и одновременно желал утешить его, сказать, что он не виноват. Сжав кулаки, я хотел было ответить, но почувствовал в ладони что-то твердое. В руке лежал неровный осколок черного камня, который на моих глазах светлел, меняя цвет на темно-синий. Он напоминал ночное небо, запятнанное алыми брызгами. Волна боли, намного хуже физической, накрыла меня, не давая даже дышать...

Темно. Пока глаза привыкали к мраку, грудь судорожно поднималась и опускалась, пытаясь вобрать в себя весь воздух. Я чувствовал, как пот скатывается со лба, как рубашка липнет к телу; как страшно мне было взглянуть на свои руки. Я уже знал, что на них ничего нет — впрочем, как и всегда. Это был всего лишь кошмар, который повторялся все чаще и чаще. Это только очередной сон, очередная ночь, и ее надо просто пережить.

Я нашел взглядом неровные балки под потолком и угол, так полюбившийся паукам. Мои глаза заскользили дальше, находя окно, сквозь которое пробивался лунный свет. Можно было бесконечно разглядывать любую деталь в комнате, но это только оттягивало неизбежное. Вдох-выдох, и я резко поднял руки, поднес ладони к глазам. Пальцы слегка подрагивали, но они были чистыми, без крови и порезов, только с привычными загрубевшими мозолями. Из груди вырвался облегченный вздох. Сон с каждым разом становился ярче и реальнее. Иногда, просыпаясь в поту, я все еще чувствовал тот мерзкий запах и липкую жидкость на коже. Я страшился этих кошмаров, но не мог никому рассказать о них. Прослыть не просто странным, а окончательно больным мне совсем не хотелось. Единственный человек, который смог бы меня понять, был настолько далеко, что ни одна повозка и ни один корабль не могли меня туда доставить. Возможно, именно его смерть положила начало всему этому. Сейчас я даже не смог бы точно вспомнить, когда стал скрывать сны ото всех. Просто в один момент я заметил испуганный взгляд мамы и понял — иногда нужно притворяться и лгать ради других.

Это вошло в привычку. Я скрывал многое, даже то, что отец научил меня читать и писать. Все для того, чтобы не привлекать лишнего внимания, чтобы мама спала спо-

койно. И теперь у меня нет дурных снов, из-за которых я не сплю ночью. И нет спрятанных книжек под тонким матрасом.

— У меня все хорошо...

— Этан! Опять проспал? — громкий женский голос ввинтился мне в голову, и я резко сел в кровати.

В комнату пробирались солнечные лучи, а нос улавливал запах еды.

— Проклятье.

Опять не смог нормально поспать, надо поторапливаться. Вскочив, я подобрал с пола вчерашнюю одежду и быстро натянул ее. Осталось отыскать заплечный мешок.

— Этан! — мама уже не звала, а раздраженно кричала. — Ты опять заставишь тетушку Анни́н переживать?

Да она скорее выпотрошит меня прилюдно, чем ей удостоюсь такой чести. Но в некоторой степени я был ей благодарен за то, что она дала мне самую заурядную работу. Моя семья годами пыталась влиться в общую серую массу и не привлекать к себе особого внимания. Пока это получалось очень даже хорошо.

Наконец я отыскал свой мешок в углу. Сквозь грубую ткань пальцы привычно нащупали твердый предмет — единственную вещь, с которой я никогда не расстанусь. Закинув мешок через плечо, я попытался проскользнуть к выходу незамеченным. Лучше не позавтракать, чем слушать очередные наставления мамы. Я тихонько прикрыл дверь своей комнаты и, осторожно ступая, стал пробираться мимо кухни.

— Братик, — сонный голосок заставил меня остановиться.

За моей спиной, потирая заспанные глаза, стояла малышка Ия. Я опустился на корточки и пригладил выбившиеся из косички светлые пряди.

— Почему моя принцесса не спит?

— Я услышала, как мама тебя зовет. Вчера ты вернулась поздно, а я хотела побыть с братиком. Хотела сказку на ночь. — Она надула пухлые губки.

— Сегодня обязательно расскажу.

— Обещаешь? — Ее глазки недоверчиво сузились.

— Обещаю! — Я клятвенно приложил правую руку к сердцу.

Девочка расплылась в улыбке, и я невольно ответил ей тем же.

— Кха-кха-ха... — Сестренку скрутил приступ кашля.

— О Небеса! Ия, зачем ты встала?! А ты не прохладись и бегом на работу! Я не собираюсь за тебя краснеть перед тетушкой. — Мама мгновенно появилась рядом и, подхватив малышку на руки, унесла в спальню.

Всегда одно и то же. Мне, словно прокаженному, не давали находиться рядом с сестрой.

Запахи из кухни становились все ярче, и живот свело судорогой. Раньше всегда пахло травами и весь стол был завален пучками, соцветиями и стеблями. С каждым днем их становилось все больше и больше. Мама хорошо в них разбиралась и, словно лесная фея, гордилась каждым собранным листочком. Но и это ей пришлось оставить в прошлом, забыть и попытаться стать *нормальной*.

Не обращая внимания на голод, я вышел из дома. Погода на улице стояла не по-весеннему жаркая. Солнце ярко светило, нагревая землю и становясь с каждым годом все более безжалостным. Легкий ветерок развеивал зеленую листву. Все казалось таким живым, но при этом таким серым. Повесив свой мешок на плечо, я направил-

ся в небольшую пекарню на окраине. Дойти до нее можно было двумя путями, самый короткий лежал через малую площадь. Я не любил ее за толпы людей и проезжих торговцев, располагавшихся там, но сейчас времени не оставалось.

Чем ближе я подходил к площади, тем незаметнее мне хотелось стать. Я наклонил голову так, чтобы отросшие волосы упали на лицо и прикрыли собой его большую часть. Хотя что ни делай, а приезжие все равно кидали на меня свои косые взгляды. Я был слишком высоким и широкоплечим для здешних мест. Раньше меня часто останавливали и спрашивали, не из северных ли я народов. А те, кто был поострее на язык, и вовсе говорили, что моя мать понесла от дикарей и скрывает это. Поэтому я всегда предпочитал идти в обход — длинной дорогой.

Но сегодня на меня мало обращали внимание. Люди сгрудились у помоста, с которого доносился звучный голос проповедника: он читал Писание Трех Богов и возносил хвалу нашему правителю. Люди перешептывались, а некоторые даже громко спорили. Большинству не нравилась политика нового короля, другие же, наоборот, защищали его, поклоняясь ему, словно божеству.

Я, как и многие, помнил бесконечные войны и казни при прежнем правителе. Короли Дартеллии приходили и уходили, но одно оставалось неизменным — страна угасала, их стараниями она пришла в упадок. Однако пять лет назад, после кончины очередного *кровавого тирана*, на трон взошел молодой наследник — Бардоульф. Народ не ждал ничего хорошего от шестнадцатилетнего юноши, даже несмотря на признание его правления Богами. Но с каждым годом он доказывал свои способности в ведении переговоров, восстанавливая по крупицам руины,

доставшиеся ему в наследство. И все равно некоторые высказывали недовольство.

Я поспешил пройти через толпу зевак. Мне не было дела ни до короля, ни до политики, ни до религии. Моя жизнь сводилась к одному — нужно работать. Работа — это деньги, а деньги — это жизнь. Пусть о возвышенном рассуждают те, кому нечего делать. Меня же ждет обычная и потому безопасная рутина.

Я выбрался на более узкие и пустынные улочки. Обычно здесь редко можно было встретить людей, но мне сегодня не везло. Возле небольшой лавочки громко спорили юноша и старик. Они так распалились, что даже не заметили моего присутствия.

— Ты с меня 120 дартов хочешь содрать за клочок бумаги?! — Старик тряс в воздухе кулаком. — Я же не письмо написать прошу!

— Так смотри, тут даже не на нашем языке написано. Это еще дороже, нужно сначала разобрать символы, сверить их. А тут слов разных много. Смотри сколько написано! — Парень упрямо выпятил острый подбородок и, расправив письмо, указал на закорючки.

Я невольно пригляделся к словам, на которые показывал писарь. Что это был именно он, не составило труда догадаться по изображению пера и чернильницы на вывеске. Да, стиль написания выглядел старым, но при этом точно дартелийским. Парень явно врал, как и насчет того, что в письме было «много разных слов». Даже с такого расстояния я заметил, что слова повторяются. Старика нагло обдирали.

— Не хочешь платить — так не надо, иди и ищи другое место.

Видно, что мужчина хотел что-то возразить, но лишь покачал головой. Он переставил свою трость поудобнее и полез в карман. Мне стало жалко этого несчастного.

Скорее всего, его так облапошат еще не один раз. Поддавшись секундному порыву, я ускорил шаг и якобы случайно задел его, постаравшись сделать это несильно, но все равно от толчка старик качнулся вперед и выронил трость.

— Простите меня, совсем не смотрю куда иду. — Натянуто улыбнувшись, я нагнулся за упавшей тростью.

Подобрав ее, я подошел вплотную к старику и понизил голос до шепота, надеясь, что у писаря не очень острый слух:

— Он вас обманывает, письмо не стоит таких денег. — И уже громче добавил: — Извините еще раз.

Старик удивленно смотрел на меня, не говоря ни слова. Я быстро развернулся, стремясь скорее уйти. Возможно, он даже не поверил мне, посчитав, будто перед ним просто очередной увалень, который чуть не опрокинул беднягу на землю. Запоздало пришла мысль о том, что мой поступок был немного опрометчивым, но я отмахнулся от нее. Вряд ли старик запомнил меня — а если и так, то найти точно не сможет.

— Ты — бестолочь! Опять отдал хлеб этой мелюзге! Ни на что не годен! Весь в своего папашу, бесхребетный, да еще и ущербный, тьфу! — Грузная женщина сплюнула под ноги и скрылась в подсобке.

Я сидел на крыльце небольшой лавочки, которую содержала семья тети Аннин. Здесь и была моя однообразная тяжелая работа. За нее мне немного платили и отдавали подгоревший хлеб. Ничего сложного, но я частенько подкармливал беспризорную малышню испорченной выпечкой, за что и получал нагоняи. Когда тетя это замечала, то любила припомнить и моего